

ЛИПИЧ Василий Васильевич —

доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
lipich_v@bsu.edu.ru

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ИЗУЧЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов творчества М.Ю.Лермонтова и призвана помочь учителю-словеснику, а также вузовскому преподавателю в активизации интереса школьников и студентов к изучению личности великого русского поэта и постижению его художественного наследия.

Ключевые слова: творчество, духовность, культурное наследие, лирика, поэтика, учитель-словесник, ученик, личность, урок, лекция.

Abstract. The article considers certain aspects of M.Y.Lermontov's art and is designed to help the teachers and university professors to enhance students' interest to study the personality of the great Russian poet and comprehend his artistic heritage.

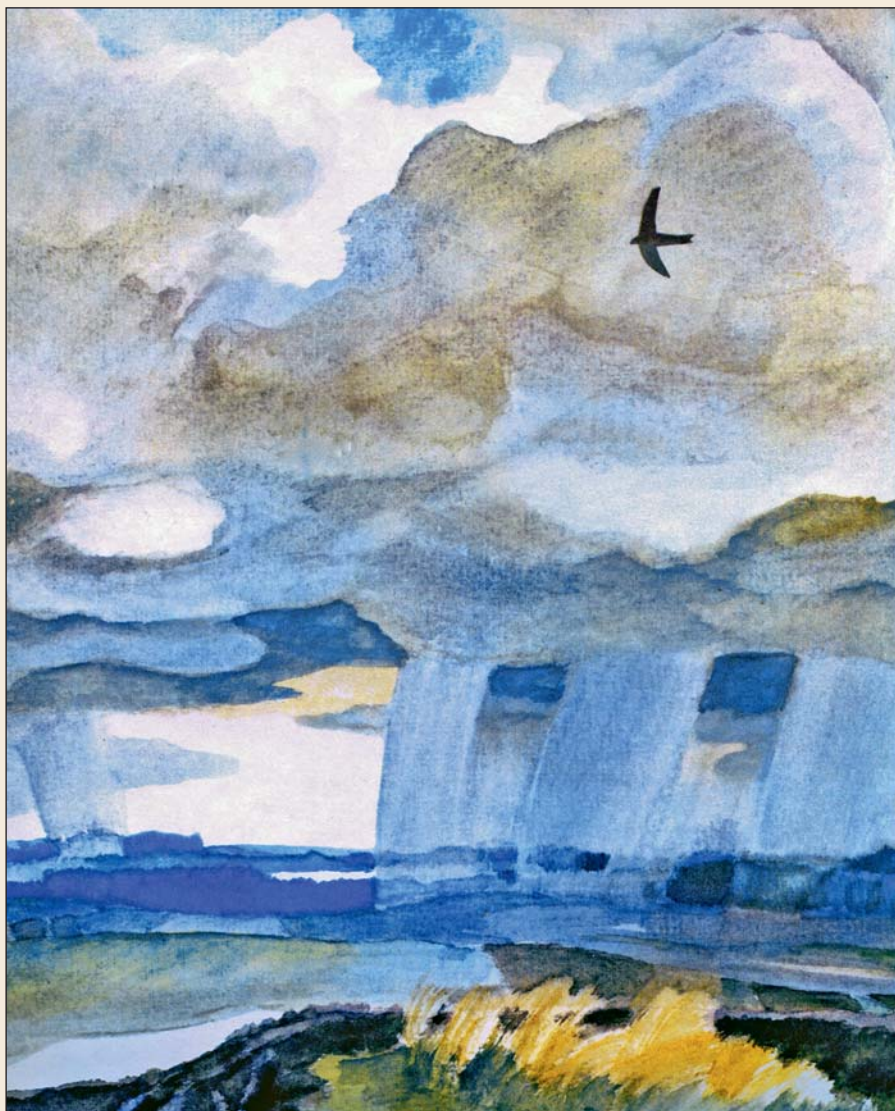
Keywords: creativity, spirituality, heritage, poetry, poetics, teacher, student, person, lesson, lecture.

М.Ю.Лермонтов актуален всегда. Это аксиома. И очередное обращение к личности и творчеству поэта в год его двухсотлетия мне показалось важным и, как никогда, необходимым. Попытаюсь хотя бы пунктирно подчеркнуть актуальность и неосценимую роль творчества Лермонтова и для далеко не простых реалий дня сегодняшнего.

К сожалению, сейчас и школьный курс словесности, и вузовский проходят стоическое испытание на прочность. Никогда учитель литературы не оказывался в столь сложном положении, как сегодня. Мы привыкли воспринимать как незыблемый постулат суждение о приоритетности филологических дисциплин. Сама мысль об их сокращении до недавнего времени казалась нам противоестественной. В прежние времена учителю-словеснику не приходилось особо утруждать ни себя, ни учеников объяснениями того, какую роль в жизни человека играют чтение и книга. Сказывалась прочная российская традиция: литература всегда была у нас не только средоточием высокой поэзии и чувственности, но и выражением общественной мысли. Роман, повесть, стихотворение были для нас и лирической исповедью, и философским трактатом, и психологическим текстом. Литература рассматривалась как важнейшее средство формирования духовности, эстетического вкуса, речевой и интеллектуальной культуры.

Сегодня, к нашему большому сожалению, ситуация совершенно иная. У изящной словесности потихоньку отвоевывают свои плацдармы и сферы влияния дисциплины, прежде даже не помышлявшие о таком вторжении в «святая святых». Получается, что литературе сегодня нужно как бы подтверждать свою конкурентоспособность.

Политические и экономические катаклизмы последних двух десятилетий язык и литературу как основную линию обороны автономной личности начали взламывать одной из первых. При этом опрометчиво забывалось, что результат этого взламывания может

А.Белокин. Илл. к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Тучи». 1981

оказаться совершенно неожиданным и совершенно противоположным. Ведь недаром Достоевский в своё время писал, что в общечеловеческую семью мы можем попасть только как национальная определённая и

сохранённая: да, собственно, этим мы интересны и значимы.

Современный старшеклассник совершенно искренне не понимает, зачем ему нужна книга и почему такое количество времени он

вынужден тратить, скажем, на постижение существа спора между Базаровым и Кирсановым, а Татьяна Ларина, к примеру, могла бы просто «скинуть» Евгению Онегину коротенькую эсэмэску и не утруждать себя написанием длинного признательного послания.

Современный старшеклассник будет убеждать вас, что жизнь по рецептам, скажем, Наташи Ростовской или Пьера Безухова абсолютно несостоятельна, а книга — это устаревший и неудобный носитель информации. Да и вообще, что такое книга в сравнении с Интернетом! Многочисленные гаджеты куда эффективнее, современнее, «круче». Таким образом, получается, что классический императив «нужно больше читать» сейчас нуждается в куда более серьёзной аргументации, нежели ранее.

Сегодня учителю литературы всё труднее достучаться до сердца подростка, очень часто классический художественный текст остаётся непрочувствованным, даже не бегло и формально прочитанным, а спешно и по диагонали просмотренным и пролистанным в планшетнике.

Поэтому современному учителю-словеснику отводится в наши дни, как никогда, важная миссионерская роль. Его задача — вернуть уважение к книге, к той самой достопочтимой книге, которая на протяжении своей долгой истории становилась средоточием Божественного глагола и дьявольских происков, лучом спасительного света и сгустком искушений. Задача учителя-словесника — наглядно показать и убедительно доказать, что если речь идёт о формировании умственной и духовной культуры личности, об истинном самостоянии человека, то литература здесь по-прежнему вне конкуренции. Такое наставническое предназначение Учителя-словесника, не побоюсь преувеличения, сродни подвижничеству и Божьему Промыслу. Однако вернусь к теме предлагаемой статьи.

Лермонтов — один из самых любимых поэтов юношества. Его стремительный порыв к свободе, бескомпромиссность и, наконец, личная трагедия особо привлекают молодое поколение. И в связи с этим биография, личность, творчество поэта, как единое целое, оказывают огромное эмоционально-воспитательное воздействие и на школьников, и на студентов. Лирические произведения прежде всего воспринимаются сердцем; знакомство с ними и разбор их помогают развивать культуру чувств юношества, культуру переживаний, обогащать духовную жизнь молодёжи, помогают ей узнавать нечто новое о жизни, человеке, сложности и в то же время радости человеческих взаимоотношений.

Воспитание читателя, тонко воспринимающего поэзию, умеющего постигать внутренний строй мыслей и чувств лирического произведения, — одна из первостепенных задач как школьного учителя, так и вузовского преподавателя литературы. Нравственное воздействие лирики Лермонтова на учащихся зависит в значительной степени от целенаправленного развития у них эстетического

чувства, интереса и любви к поэзии. Этому способствует соблюдение ряда психолого-педагогических, методических условий: психологическая настроенность на восприятие произведения, глубина эмоционально-образного впечатления, включённость в сопереживание лирическому герою, осмысление художественного своеобразия произведения, обретение лично дорогого в нём.

В развитии этих ценных слагаемых личности большое значение имеет создание и в школьном классе, и в студенческой аудитории особого лирического настроения, которое можно было бы определить как поэтическое, помогающее обучающимся наиболее органично вступить в сопереживание с лирическим героем. Возникновение творческой атмосферы в классе или аудитории зависит не только от чтения самих произведений, но и от всего содержания, структуры, темпа, эмоциональной наполненности занятия, характера взаимоотношений между учащимися и учителем, студентами и вузовским преподавателем. Важно помочь юношам и девушкам войти в поэтический мир лермонтовской лирики, раскрыть многообразие авторских переживаний, мир высоких мыслей и чувств. Этому будет способствовать и лекция о своеобразии личности поэта, и выразительное чтение его стихотворений, и проведение литературно-музыкального вечера, и экскурсии, и часы поэзии, и, конечно же, самостоятельная работа самих учащихся.

Многогранное развитие личности школьника во многом осуществляется в процессе самостоятельной деятельности: вот почему такую большую роль играет правильно организованная учителем самостоятельная работа учащихся. Изучая те лирические произведения, которые указаны в программе, следует стимулировать и более широкое ознакомление школьников с лирикой поэта, пробуждать интерес к ней, и с этой целью необходимо отобрать для самостоятельного анализа стихотворения, не изучаемые в классе.

От урока к уроку нужно усложнять как фронтальные, так и индивидуальные задания, повышать степень самостоятельности школьников, сделать задания более разнообразными, учитывая при этом особенности личности учащихся: уровень их литературного развития, возникший интерес к поэзии Лермонтова, их индивидуальные возможности. Каждое из заданий должно пробуждать у учащихся желание самостоятельно подойти к решению поставленной учителем задачи, проявить познавательную активность, и, главное, повышать интерес и к лирике поэта, и к его личности.

Задания с установкой на развитие воображения учащихся могут сменяться заданиями, требующими не только воспроизведения картин, но и их осмысления, сопоставления с уже известными по другим стихотворениям, от анализа отдельного стихотворения — к циклу стихотворений, объединённых одной темой и т. д. Среди различных видов самостоятельных работ видное место может за-

нимать сравнительный анализ стихотворений, близких по тематике: например, В.Бенедиктов и Лермонтов о назначении поэзии («Пиши, поэт, слагай для милой девы...» и «Поэт»); «Пророк» Пушкина и «Пророк» Лермонтова; образ поэта-гражданина в стихотворениях Рыльева, Пушкина и Лермонтова; тема любви в лирике Пушкина и Лермонтова.

Поэзия Лермонтова, насыщенная философскими, остросоциальными проблемами, контрастными чувствами, сложна для самостоятельного чтения подростков и может вызывать у них противоречивые нравственные представления. Это обстоятельство ведёт к необходимости соотносить каждое изучаемое стихотворение с проблематикой, пафосом всего творчества Лермонтова, выявлять нравственно-эстетический идеал поэта.

Сегодня творчество М.Ю.Лермонтова снова приобретает своё предельно острое звучание и переживает новый виток актуальности и востребованности. Показателен также и тот факт, что произведения Лермонтова менее всего поддаются конъюнктурному ангажированию и ситуативным «подгонкам». Поэзия Лермонтова щедро одаряет нас высокой человечностью, пониманием своей жизни как частички неугасаемой вечной силы, именуемой духовностью, обогащает нас осознанием своей личной значимости и, стало быть, ответственности за свои поступки, ибо только продуманные действия ведут к добру, утверждению жизни, что для самого поэта являлось высшей целью земного существования:

*В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную [1: 34].*
(Памяти А.И.Одоевского, 1839)

Приведённые строчки были посвящены Лермонтовым А.И.Одоевскому по случаю его ранней смерти. Но вместе с тем они в значительной степени характеризуют и те импульсы, которые мы воспринимаем сегодня от самого Лермонтова. Обращаясь к нему, мы как бы заряжаемся энергией жизни, заключённой в его спрессованном стихе, часто облитом «горечью и злостью».

Поэзия Лермонтова в силу своей громадной смысловой концентрированности не может восприниматься как некое расхожее чтиво, для того чтобы скоротать, или хуже того — «убить время»: она требует серьёзной работы мысли и души. И это счастье! Счастье, что есть творчество, требующее такой работы. Есть поэзия, через которую умнеет и добреет всё, что только может поумнеть и пообрететь. Однако это же определяет и некоторые трудности сегодняшнего изучения творчества Лермонтова (причём не только его одного) как в вузе, так и школе.

Попробую обозначить, в чём они состоят. Прежде всего, полагаю, в том, что и школьники, и студенты лишь частично воспринимают глубочайший смысл и богатейший под-

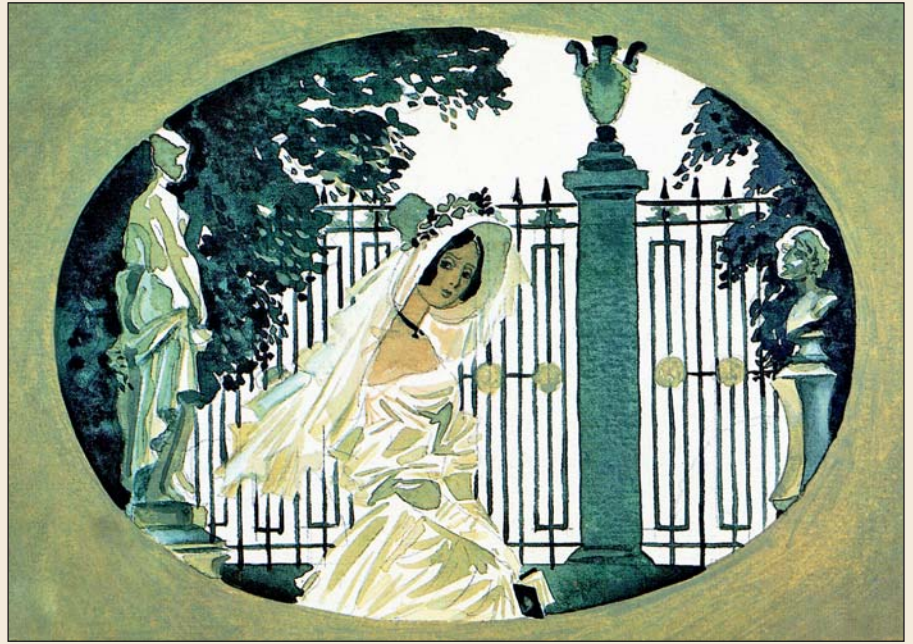
текст того, что заключено в произведениях Лермонтова. А поскольку истинное искусство всегда человечно, то, стало быть, молодые поколения недобирают именно в этой сфере, а конкретнее — в нравственности, что, в свою очередь, порождает другие перекосы в быту, в экономике и т. д.

Причин происходящего много. И нам, филологам, необходимо, я считаю, посмотреть на это дело со своих «цеховых» позиций и осознать свои недоработки. А они, не будем скрывать, есть, и весьма существенные, несмотря на известные достижения отечественного лермонтоведения в целом.

На мой взгляд, одним из основных недостатков массового, в особенности школьного, обучения является тот факт, что, сосредоточившись на выявлении природы лермонтовского отрицания, мы как-то забыли о другой стороне творчества — утверждении, гармонии, что было заветною мечтою тоскующего и бунтующего поэта. В итоге очень многое из того, что связано с нравственно-философским и эстетическим содержанием в творчестве Лермонтова, остаётся как бы в тени, на обочине. Поэтому не только на уроках, но и на страницах серьёзных литературоведческих изданий подчас всё сосредоточено вокруг борьбы поэта с самодержавием, пошлой дворянско-аристократической средой. Разумеется, всё это было в творческой практике поэта, но диктовалось оно, в конечном счёте, не целями политической борьбы как таковой, а стремлением отыскать пути духовного и социального возрождения человека. Именно в этом стержень, суть и главные смысловые сгустки поэзии Лермонтова, они-то и остаются, к сожалению, не востребованным кладом на занятиях и в школе, и в вузе. Да и наставникам молодёжи порою самим нелегко добраться до этого клада вследствие несовершенства методик, количества отведённых на изучение часов (особенно в последнее время), непоследовательности и изменений учебных программ, несоответствия учебного материала возрастному школьникам и т. п.

Кроме того, трудно согласиться с довольно распространённой традицией, когда почти вся характеристика творчества Лермонтова сводится подчас к раскрытию мотивов борьбы великого поэта с окружающей действительностью. Не стремясь к искусственному утрированию, замечу, что и в программе, и в учебниках есть соответствующие посылки о нравственно-эстетическом своеобразии произведений Лермонтова. Но всё это нередко остаётся посылками. Главная же работа идёт в плане откатки и отшлифовки весьма усечённого и дистиллированного образа великого поэта, который будто бы только то и делал, что «ненавидел», «пылал революционной страстью» и беспрерывно «боролся с самодержавием».

Безусловно, не следует отрицать объективной роли творчества Лермонтова в деле возбуждения демократических настроений. Но ведь нельзя же всё сводить к политическому сопротивлению поэта, уре-

Л.Непомнящий. Илл. к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Она не гордой красотой...». 1987

жая другие аспекты его творчества, не следует заковывать Лермонтова в латы исключительно бунтаря-ниспровергателя самодержавно-крепостнического режима. Разве этическое, философское содержание лирики поэта не является чудесной силой, которая может «выпрямлять» человека? И разве в восприятии природы Лермонтов менее велик, чем в своём общественном максимализме? Да и максимализм его был порождён необходимостью отстоять незамутнённость человека, сохранить его вечно целостные связи с естественным, с природой. И, я думаю, для всех является очевидным сегодня, что если прервутся эти связи, то прервётся и сама жизнь человека на этой земле. А это значит, что и «ландыш серебристый», который радовал глаз великого поэта, и «малиновая слива», и «свежий ветерок», который ласкал поэта, и многие другие метафорические образы сегодня уже нельзя интерпретировать только как знаки умиротворения человека, уставшего в борьбе с самодержавием. В первую очередь для нас это знаки жизни, которая выше и прекраснее любых временных и конъюнктурных отношений и зависимостей. Научить юношество воспринимать тайну и красоту мироздания, как она выражена во многих произведениях Лермонтова, — значит помочь юным поколениям стать носителями, а не разрушителями самой этой жизни.

Или, допустим, взять, к примеру, такую хрупкую и деликатную сферу нашей жизни, как интимно-этические отношения. Не скажу, что порнография совершенно захлестнула нас, но в то же время всё учащающиеся и справедливые негодования многих известных мастеров нашей культуры, искусства и самих зрителей по поводу иных слишком вольных интерпретаций и слишком «заземлённых» приёмов изображения «любви» в некоторых театральных и киноактёрских кол-

лективах заставляют задуматься. И невольно мысль вновь возвращается и обращается к классикам, которые завещали нам целомудренное отношение к красоте, женщине, отстаивали святость интимного чувства. И Лермонтов стоит здесь в первом ряду:

*Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — Но порой
Всё это не зовём мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветков!
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шёлк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам её,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!* [1: 259]
(Она была прекрасна, как мечта..., 1832)

В приведённом отрывке легко заметить, что духовное начало («один лишь взгляд») в любви не только первично, но и едва ли не абсолютно, во всяком случае, вне его любовь — не любовь, суррогат. Уж и не знаю, можно ли сегодня надеяться на то, чтобы такое понимание вернулось к нам в полном объёме? Но очень бы хотелось.

Возможно, в таком рассуждении и содержится недооценка известного тезиса о том, что доминирующей чертой творчества Лермонтова является мятежность (этот вывод поддерживал в своё время ещё Белинский) и с «небом гордая вражда». В целом считаю данный тезис справедливым, но применять его, как мне кажется, следует гибче. Во всяком случае, не так, как мы делали до сих пор.

Прежде всего необходимо уяснить, в чём смысл и причины лермонтовской «мятежно-

сти», его «вражды», что он хотел утвердить в человеческом сознании и людских отношениях. Отмечу, что ответы на эти вопросы и в аудитории, и в классе зачастую звучат предельно категорично, иногда даже недопустимо прямолинейно, вследствие чего, вольно или невольно с опорой на Лермонтова, прививается мысль о том, что главное достоинство человека состоит в его умении постоянно бороться, побеждать, не смиряться, протестовать, отрицать и т. д. Мы так приспособили поэзию Лермонтова ко всей этой работе, что уже и не замечаем того, что данные мотивы присутствуют в поэзии Лермонтова как условие всеобъемлющей любви, любви к жизни и человеку. Позволю себе привести две цитаты из Лермонтова, которые хорошо известны специалистам, но которых нет ни в одном существующем ныне учебнике по литературе как вузовском, так и в школь-

ном, а ведь в них, по сути, квинтэссенция лермонтовского пафоса:

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил [1: 176].*
(«1831-го июня 11 дня»)

Эти строчки были написаны в 1831 году и относятся не только к чувственной любви, любви к женщине. Второе стихотворение было создано поэтом уже в зрелую пору его творческого пути, а если быть точным, то в 1839 году:

*Есть речи — значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.*

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождѐнное слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отведу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу [1: 40].*

(1839)

И. Архипов. Илл. к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Бородино». 1973

Возникает вполне закономерный и резонный вопрос: что же это за звуки такие, что за речи такие, слышав которые поэт готов оставить не только битву, но и молитву? Мне трудно согласиться с мнением уважаемого исследователя Л.Г. Фризмана, автором статьи об этом стихотворении в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981), что «именно в звуках, а не в их значении, пустом и «ничтожном», кроется для Лермонтова истинная причина покоряющей силы слова» [2: 158]. Получается, что в этих звуках нет содержания или, во всяком случае, оно ничтожно для автора. Считаю, что это не так. С моей точки зрения, ничтожно лишь трагическое восприятие данного содержания, но не оно само в своей истинности. Для поэта оно огромно и значимо, хотя и не поддаётся адекватному и точному в своём словесном эквиваленте выражению. Безусловно, это содержание связано с любовью в самом многомерном и широком смысле слова. И именно на них, на «звуки» любви, добра, красоты, истины, и готов откликнуться поэт всегда и всюду — даже если бы пришлось броситься для этого из самой что ни на есть напряжённой и героической битвы. Значит, с «небом гордая вражда» — это лишь начало характеристики лермонтовского пафоса, сопрягающегося в конечном счёте с устремлениями к идеалу («ищу земного упоенья»).

Однако с раскрытием лермонтовского идеала дело обстоит, как мне кажется, ещё хуже, чем с толкованием основной доминанты творчества поэта.

Подходить к рассмотрению этого крайне непростого вопроса с набором каких-то однозначных и линейных суждений, конечно, не следует. Но вот когда познакомишься с некоторыми популярными изданиями и даже отдельными научными работами, то невольно складывается впечатление, будто бы у Лермонтова вообще нет идеала как такового. А вот «отрицание», «тоска», «жалобы на действительность» — этого пожалуй, сколько угодно. Что же касается идеалов, то тут, извините, всё в тумане, зыбко, неопределённо очень, тем более что убит в двадцать шесть с

небольшим лет — какие могут быть идеалы у разочарованного и измученного человека?!

Что можно сказать на это? Конечно, если под идеалом подразумевать прописные истины, одобренные высокопарной риторикой, то такого идеала у Лермонтова искать не следует. Но так сегодня (как некий катехизис), кажется, никто идеалы уже и не трактует. Поэтому истинный идеал Лермонтова, я думаю, нужно усматривать в самой сущности его творений, в философско-этических принципах его отрицания, в порывах (очень разнообразных с точки зрения форм поэтического воплощения) к высокому, совершенному. Но вот незадача: дети командных и, можно сказать, регламентированных эпох, мы и сами разучились реагировать на трепетное излучение чувств в лирике Лермонтова, — да и не только Лермонтова! Скажем, искренность. С этим чувством люди частенько попадали (и попадают теперь), мягко говоря, впросак. А милосердие или верность дружбе? Последнее вообще считается семистепенным делом в нашей «инновационной» и быстротекучей жизни. Были бы успехи по службе, в бизнесе, материальный достаток да хорошие отношения с «начальством», а уж без дружбы как-нибудь проживём!

Говорить о тоске по идеально-прекрасному не стану. К чему она нам, когда мы привыкли поклоняться прагматике, рацио, удачливости? Вот так и усреднилась поэзия Лермонтова в нашем восприятии, так затуманилась линия и мера высокого идеала в его лирике. В школьном же преподавании она подчас и вовсе отсутствует.

По всей видимости, именно из этого же корня идёт также и долгая, перманентно то возникающая, то прекращающаяся полемика о том, кем был Лермонтов по сути своего творчества: романтиком или реалистом? Ведь если романтиком, то, стало быть, не только таинственное, психологически противоречивое, но и мистическое в поэзии гиганта как-то надо объяснять. Проще оказалось «выпрямить» поэта, свести все его устремления к борьбе за свободу и всё это связать с реализмом, а зыбкое, многоподвижное и противоречивое — с романтизмом, затем негласно и как бы ненамеренно отодвинуть в разряд не самого существенного. Стремление как можно больше найти у Лермонтова «реалистического» и, значит, более совершенного, к сожалению, и сейчас присутствует в отдельных исследованиях. Всё это не могло не сказаться на составлении методик и пособий, в которых постепенно приоритеты духовного подвижничества Лермонтова стали подменяться приоритетами социального противоборства, и тем вольно или невольно приглушалось многоцветье лермонтовских образов. Между тем какая широкая перспектива открывается для молодых поколений в усвоении таких человеческих качеств, как духовная наполненность интимных отношений, умение слушать голос своего сердца, желание деятельных свершений как условия нравственного формирования личности, несовместимость подлин-

ного достоинства с унижением других, мелочных желаний — с истинными потребностями души и т. д.!

Пробиться к этому мешают также плохой стиль, заушный язык, дурные приёмы, с помощью которых приступаем подчас к анализу лермонтовских произведений.

Я уже говорил о том, какой серьёзный вред изучению творчества Лермонтова (и не только его) приносит чисто социологизаторский подход и анализ, оторванный от нравственных, философско-эстетических проблем творчества. В то же время есть и другая крайность: вольное или невольное отключение эстетического анализа от социального. В этом случае преобладающей тенденцией становится формально-эстетический разбор, вследствие чего убивается и форма, и содержание. Не часто, правда, но иногда такие анализы встречаются и в «Лермонтовской энциклопедии», которую, безусловно, можно и нужно рассматривать как значительный вклад и в изучение жизни и творчества поэта, и в развитие отечественного лермонтоведения в целом.

Не могу не сказать также и о том, что в последние годы нас просто заполнили всякого рода «концепты», «уровни», «синтагмы», «амбивалентности», «парадигмы», «пространственно-временные модусы», «неконвенциональная метафоризация» и десятки других подобных определений и терминов, засилье которых буквально глушит в иных «учёных» сочинениях живое содержание лермонтовской лирики. Но дело не только во внедряемой терминологии. Куда как большую опасность, с моей точки зрения, представляет стиль (иногда его называют «структуральным»), сознательно ориентированный на изобретение и демонстрацию заведомо «усложнённых», а чаще абстрактных наукообразных понятий. Внутренне они между собой не связаны, не отражают и не вскрывают также и суть образа или поэтического пафоса, что в первую очередь, очевидно, и должно составлять цель и объект литературоведческого анализа. Однако за «прогонкою», эквилибристикой слов не почувствуешь и юдолей той муки, того стоны души, которыми пронизана поэзия Лермонтова, поэтому в подобных случаях очень сложно вести речь о каком-то там приближении лирики поэта к уму и сердцу современного читателя.

Подобный квазиучёный язык находит широкое распространение в диссертациях магистрантов и аспирантов, что в особенности тревожит научную общественность. Ведь сегодняшние магистранты и аспиранты — завтрашние преподаватели вузов, от них идёт учитель, от учителя — ученик, ученик становится студентом и т. д. Возникают, таким образом, целые пласты и зоны, где господствует омертвлённый, ничего общего не имеющий с живой сутью литературы «аналитический» язык.

Таким образом, получается, что проблем, связанных с более качественным изучением творчества Лермонтова, как и всей отечественной литературы, хоть отбавляй.

И, отдавая дань памяти великому поэту, надо отказаться от привычного представления о том, что с изучением его наследия у нас всё в порядке. Отнюдь. И если мы уже однажды бросили клич: «Вперёд, к Пушкину!», — то ещё с большей силой эта потребность ощущается сейчас по отношению к творчеству Лермонтова. К Лермонтову надо идти, подниматься на уровень его сознания, чувствований. Следует обновлять методологию литературоведческих анализов в такой плоскости, чтобы раскрылись, наконец, и неповторимость, и духовное богатство, и поэтическое очарование, и нравственная притягательность его лирики, и сила креативного потенциала бессмертных творений Лермонтова. И в этом контексте очень актуально, я считаю, звучат слова современного поэта Г.Ростовского:

*Не классиком, закованным в кольчугу
Проржавленных критических статей,
А нашим современником и другом
Войдите в класс мой, Лермонтов, скорей!*

В наше время, которое так истончило грани добра и зла, греха и святости, что они, по сути, перестают быть антиподами, когда размыты многие моральные критерии, когда порог нравственности отдельных членов общества понижен практически до нуля, юному незрелому уму трудно определить, «кто есть кто» и «что есть что» в окружающем его мире. И великая русская литература, обладающая огромным духовным и дидактическим потенциалом, остаётся чуть ли не единственным нравственным ориентиром, и роль учителя-словесника в первую очередь и заключается в приобщении молодых людей к этому нравственному роднику, и творчество Лермонтова является одним из таких духовно оберегающих и духовно сберегающих источников. Кроме того, литература опять-таки является едва ли не единственным предметом, который ориентирован прежде всего на воспитание чувств, художественного мышления, формирование нравственных устоев и жизненных позиций молодого человека.

И если школьный учитель-словесник, вузовский преподаватель хотя бы добьются серьёзных результатов в своей работе, то они должны отдавать себе отчёт в «стратегических» целях преподавания литературы, они должны знать ответы не только на вопросы «что?» и «как?», но и на вопрос «зачем?». При этом необходимо, чтобы смысл упомянутого вопроса «зачем?» был ясен и ученику. В противном же случае и преподавание, и сама «преlestная роскошь словесности», как выразился Батюшков, превращаются в схоластику и буквоедство.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЕРМОНТОВ М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1952. — Т. 1. — С. 34.
2. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981. — С. 158.